

1.

Оля Чики-Пики, как прозвали новенькую жительницу восьмой палаты Ольгу Максимо-ву, определенно была из тех женщин, которых именуют «своими». Эдакая пацанка в растянутых трениках и майке-алкоголичке быстро получила гордое прозвище Оля Чики-Пики. Всем было очевидно, что она недавно вышла из мест не столь отдаленных: об этом говорила и несколько специфичная речь с обилием мата и других «ярких выражений», и привычка сидеть на кортах, прокручивая телефон. Удивительнее то, что всем своим видом Оля не отталкивала, а, напротив, вызвала какой-то всеобщий кредит доверия. Хотелось

разделить с ней радости и горести, рассказать самые острые сплетни отделения, пожаловаться на медсестру, редкостную стерву, на главврача, похожую на высокомерную цаплю с острым носом. Кроме того, у Оли Чики-Пики была магическая способность «гасить» бабулю, самую старую и противную обительницу восьмой палаты, которая с появлением Оли стала вести себя очень мирно. У Чики-Пики было негласное право «выкуривать» из палаты самых отмороженных, оценивать наряды Лизы-принцессы и сумасшедшей Аси. Это был контраст, который можно было бы назвать «хрестоматийным»: отличница, умница Лиза в длинных юбках в горошек, в черных накрахмаленных рубашках, в красных

платях с пояском и абсолютно неженственная Оля Чики-Пики. Лизу потому и прозвали «принцесской», в других обстоятельствах она могла бы стать лицом обложки журнала или модного дома Chanel. Здесь же юная девочка Лизонька казалась нелепой кляксой, неудачным кадром, недоразумением. Первое время она прихорашивалась, красилась, подолгу собиралась даже для того, чтобы выйти в магазин, пока Оля Чики-Пики не выпалила, еле прожевав салат: «Ну ты, бл..дь, за..бала со своими показами мод».

Лиза все не теряла надежды случайно встретить на обходе симпатичного ординатора, который, как полагают, возьмет ее на руки и понесет в светлое будущее. Вместо прекрасных принцев их больница кишела «своими пацанами», крайне далекими от идеальных представлений. В искусственном саду, который на деле представлял собой пару обычных деревьев, представительницы прекрасного пола повально курили сигарету за сигаретой, когда неожиданно появился Костик. Вальяжно приобняв Олю, он сразу же перешел к делу и предложил «пупсикам» пофоткаться, «аха, бл..дь, разбежались, какой я тебе пупсик, бл..дь, прям ни спала, ни жрала, все ждала твоего прихода», — выпалила Оля. Каждый вечер Оля ненадолго отлучалась в туалет под предлогом «курнуть», что сильно удивляло Лизу, поскольку Чики-Пики и без того вечно ходила с сигаретой, и пришлось объяснить «принцессе», что курить можно не только табак, но и кое-что другое: «Ты чо, Лизка, я раньше чистоганом реангенд ху...рила». Лизка молча удалилась восвояси, пока Оля Чики-Пики прихорашивалась у зеркала, напялив по-быстрому спортивную и убрав волосы кверху. Пока она собирала волосы, кофта слегка задралась, был виден шрам от продувок. Кожа отдавала чем-то оранжевым или коричневым: побочное действие антибиотиков, хотя окружающим всегда можно было соврать про поездки на курорт. Своеобразные прогулки по лесу рядом с местной пивнушкой, вот тебе и весь курорт. Вечерами все они, объединенные радостью от теплой погоды, бежали на улицы, тайком попивая алкоголь, разлитый по бутылкам и упаковкам из-под сока.

В этом доме всё, начиная с прихожей, напоминает перформанс: череп лошади, окрашенный в красный цвет, театральные маски, работающий граммофон. В окнах балкона, куда все переместились покурить и выпить чай с мятой, умещалось почти всё: и желтая вывеска АРЕНДА ЖИЛЬЯ, и гигантские прутья соседнего дерева (впоследствии выяснилось, что это была ива), и два старых дома с божевственными балконами. А на периферии зрения обнаруживались высушенные розы, белый череп над дверью с арабской вязью. В переводе вязь обозначала простое и вместе с тем сложное: смерть — это правда. На коленях гордо лежала кошка в несколько странной манере, приподняв зад. Неожиданный поход в соседнюю кондитерскую за шоколадными конфетами был навеян не только всеобщей потребностью в сахаре, но и жаждой детских приключений, счастливой безмятежности. Удивительно простой вечер, переполненный ритуалами: убрать чашки, протереть стол, налить чаю, разложить кухонные принадлежности, обсудить погоду. Имитация спокойствия, поддерживаемая тремя. На деле была и предыстория: все трое изрядно накурились марихуаны, после чего решили срочно поест сладкого и перелистать старый альбом с черно-белыми фотографиями предыдущих владельцев квартиры. Особенно страшным было фото с гробом маленькой девочки трех лет в платье, заваленной цветами и окруженной плачущими родственниками. Следом фото ее матери, тогда еще девятнадцатилетней юной красавицы с широкой улыбкой, та же мама в качестве первоклассницы, дедушка, увешанный медалями и наградами. В этой квартире было много истории, в углу стояла швейная машинка, в кладовой можно было обнаружить старые детские вещи, бюст Ленина, чемодан с ржавым замком, чайник советских времен, брошюры и книги по школьным предметам, любовные записки и даже тест на беременность. Трое увлеченно трещали в попытках угадать назначение каждого предмета и дружно вывалились на улицу, в местной кондитерской было решено зака-

звать шоколадные конфеты со всеми возможными вкусами, рядом сидел немолодой мужчина с усами и смеялся над телепередачей, приговаривая «ну ничего себе бижутерия». Две юные модницы с важным видом листали журнал, реальность перестала быть такой интересной и вновь возвращалась к обыденной, было решено вернуться в квартиру. Дома их застала растерянная кошка, весь пол был усыпан гречкой и рисом: кухонная полка рухнула вниз. А на них смотрела мертвая девочка в голубом платье.

3.

Семен, простой сорокапятилетний мужик, не любит все эти гламурные места, но в кондитерскую-таки зашел, съесть что-нибудь мясное. Вокруг все сидели какие-то отмороженные, то ли пьяные, то ли холодные уши у всех, как у его одноклассницы Маши. Девочка была крайне хилой, вечно болеющей, с огромными глазами и бледной кожей. Напротив столика в панорамных окнах стояли юноши и девушки с сигаретами в руках, Семен пытался уже неделю как бросить курить, но тут не сдержался и подумал «наши в городе» и таки вышел клянчить сигаретку у молодых. В какой-то степени он искал предлог к разговору и буквально накинулся на ребят со своими рассказами про поездку в Египет этим летом, впервые за границу: целое событие. «Лежат там все, импортные, загорают. Один малек у внука моего игрушку стырил, я хотел было ему в репу стукнуть, но передумал, еще обвинят в международном конфликте», — Семен захохотал и закурил вторую. Молодежь была, мягко говоря, не заинтересована в его историях о жизни и потому реагировала очень сдержанно, вежливо улыбаясь, как бы в ожидании, когда он уйдет. Наконец, окончательно убедившись, что всем он безразличен, Семен двинулся в сторону дома. Надо еще пельменей сварить, взять водочки на вечер, ночная смена впереди как-никак. «Ну, подумаешь, хлопну рюмочку-другую, не оперировать же», — подумал он, оценивая новую рекламу зубной пасты

ВАШИ ЗУБЫ В НАШИХ РУКАХ. С огромного баннера ему улыбалась счастливая семья: папа, мама и двое детей (конечно, мальчик и девочка). «Е.. твою мать», — воскликнул Семен, но, кажется, слишком громко, ибо бабушки, восседающие на скамейке, окинули его высокомерным взглядом и сопроводили вздохами. Семен почти уже дошел до заветной цели, прошел сквозь КПП, направился к рабочему месту и взгрустнул: ни зубов, ни семьи, ни х...я.

4.

Когда Аника шла по лесу мимо шумной компании, пьющей, судя по упаковке, сок «Добрый», а по настроению что другое, она вдруг заперезживала, вдруг тут клещи, укусят еще. Что вызывает в ней автоматическую тревогу, быть шестнадцатилетним подростком непросто, особенно беременным подростком. Мимо пробежали пушистые белки, мамочки с колясками, парочки, велосипедисты, вокруг безумно шумно, и стоит жара. Взрослые косятся на Анику и ее округлившийся живот, который уже невозможно не заметить, и потому она очень нервничает и ускоряет шаг. Поглаживая собственного нерождённого ребенка, Аника с грустью размышляет о том, что никогда не сможет жить так, как хотела, не выйдет замуж, потому что Петя мудака, не сможет нормально его (или ее) воспитать, не найдет работу: за целой стеной всех этих переживаний она и не заметила, как наткнулась на серую бетонную стену, облокотившись на которую, сидела старая бабушка и наигрывала знакомую всем мелодию: «Учат в школе, учат в школе, учат в школе». Заметив Анику и ее далеко не школьный вид, она чуть не выронила гармонь. На стене огромными буквами прямо позади старой гармони красовались синие буквы СЕМЕН ЛОХ, Аника обернулась и пошла в обратную сторону, вся в слезах, то ли от гормонов, то ли от жары. Вытерев слезы, она сорвала белых цветков, напоминающих розы, и сплела из них венок. Стало немного легче, захотелось мороженого и конфет, и даже в школу немного захотелось.

5.

Время пронеслось, как поезд на станции недалеко от дома. Вот стоит рослый симпатичный юноша пятнадцати лет. Кучерявая голова, новая, недавно купленная кожаная куртка, черные плотно зашнурованные ботинки. В кармане заштыканы сигареты, спрятаны в бумагу. За спиной синий рюкзак, по левую сторону идет главный школьный друг — Костя.

«Иса, не пойдем! Не пойдем!»

Но Иса пойдет, он уже идет, взбирается на башню. Изначально здесь должна была быть телевышка, которую так и не достроили. Высокий серый мертвый столб, окруженный металлическими крюками, мистическими историями, призрачными мертвецами. Ох, сколько же легенд было вокруг этого столба, сколько храбрецов пытались достичь высоты и погибли, сорвавшись из-за вспотевшей ладони, соскочившего ботинка, непрочного крепления — только не Иса. Он готовился, узнал все об этой башне и был готов стать школьным героем. На случай чрезвычайной ситуации он взял с собой Костю, который, как секундант, мертвецки белый сидел внизу и тщетно пытался образумить лучшего друга. Тот уже вовсю лез наверх, ощущая непрочность ступеней, многие из которых уже подверглись времени — заржавели, еле держались, скрипели, почти рассыпались под рукой. Иса усвоил два главных правила: никогда не смотреть под ноги, чтобы не ощущать высоту, и никогда не думать ни о чем, кроме процесса. Вот он лезет, сначала левой, потом правой, ладони, работа рук, движения, запах кожаной куртки: до чего же приятно. Сколько дней он уговаривал мать купить её! Изначально лихорадка началась после случайно погостера на стене кинотеатра, где главный герой, мужественно оскалившись в камеру, расстегивал подозрительно похожую кожаную куртку. Впечатлившись в детстве подвигами Геракла, Иса задумал осуществить собственные подвиги, поэтому нарисовал весьма своеобразную карту города, на которой красными кругами были отмечены места предполагаемого действия, то есть подвига. Сначала башня была последним пунктом его

плана, но, услышав по телевизору лекцию седого и с виду умного мужчины (о том, что страхи надо осуществлять первыми) и к тому же вспомнив, как позорно он был избит в шестом классе (опять же из-за трусости), Иса все же набрался смелости. Единственным посвященным оказался Костик — не просто друг, а брат, с которым можно было разделить даже свои сны (что совсем непросто мальчику 15 лет).

В какой-то момент он перестал слышать слова, звуки доносились еле слышно, Исе стало немного холодно, он заметил, что колени дрожат. «Нельзя смотреть вниз, — думал он, — иначе я испугаюсь и сорвусь». Иса подумал, что ему было бы жалко свою новую куртку, свою маму, хотя в последнее время она его изрядно раздражала. Вечно недовольная его внешним видом и поведением, мать все чаще пыталась научить его поступать правильно, правда, бывали такие дни, когда его оглушало тягостное чувство вины, хотелось извиниться перед ней и поцеловать. Хотя он стал сторониться ее и говорили они редко, почти никогда, по ночам Иса думал о том, что она может умереть, и тогда ему становилось невероятно грустно. «Все-таки стоит обнять ее завтра», — думал он, лежа в постели, но каждое утро забывал. Сейчас он тоже думал об этом, когда вдруг услышал резкий оглушительно тяжелый звук грозы, через минуту пойдет дождь, а он один здесь на вышке, его руки потеют от ужаса, его ноги дрожат, он не слышит голос Кости, во рту пересохло, и хочется газировки.

Сплошные металлические обрубки, полумесяцы, высота, высота, высота, высота, высота, подступающая к локтям, трогающая за лодыжки, Иса превратился в комок грязи, руки скользят, молния промелькнула над самым ухом. Все было забыто: он уже был готов вернуть собственные подвиги Гераклу, лишь бы оказаться в своей уютной теплой комнате. Он закрывает на секунду глаза, тяжело глотает, делает шаг, и его нога срывается и повисает. Это напомнило то самое детское животное чувство страха, когда семилетний Иса отправлялся в туалет, скидывал покрывало и медленно опускал ноги: он боялся, что именно в эту самую секунду кто-то схватит его и по-

тянет вниз — к Азраилу, туда, куда не спускается взор Господа. И сейчас, когда он повис, он вспомнил о полумесяце под черной футболкой, о Боге. Сил держаться не осталось, Ису охватила грусть: он так и не увидит этого огромного, страшного, но прекрасного мира, не станет собирателем чая на старых плантациях или хранителем древнего кладбища. Последнее, что он видит, — стремительно бегущую куда-то девушку, разжимает ладонь и падает вниз.

6.

Зухра шла по гигантскому полю под грозным нависающим небом. Самое страшное случилось: гроза, молния, гром. Зухра стыдливо прячет кардиостимулятор под рукой и ищет глазами любые убежища. Животный ужас перед ликом природы. Она вдруг вспоминает, как увидела по телевизору репортаж про женщину, в которую попала молния, но её спас чудотворный крест, принявших на себя основной удар. На минуту Зухре стало грустно, что у нее нет креста, а потом очень стыдно. О, Аллах, о чем я думаю, ещё и в Рамадан. Зухра оглянулась по сторонам, словно убедиться, что факт богохульства никем не замечен. И быстро понеслась в сторону ветхого дома, почти черного от влаги. Припоминая все известные молитвы, она накрывала голову платком и бежала все сильнее, пока не оказалась под крышей. На минуту ей показалось, что с соседнего заброшенного здания башни падает человек, «показалось» — наверное.

7.

Нури и Нино медленно возвращались после совместного, впервые за долгое время спокойного ужина, уже вечерело, их освещал только желтый фонарь. Именно благодаря этому фонарю и тихому звуку из-за кустов они заметили маленького черного котенка с белыми лапами. Он был таким беззащитным и буквально сразу вызывал желание погладить его, что они и сделали. По-видимому,

котенку было неведомо человеческое тепло, поэтому он стал преследовать Нури и Нино. Впереди был небольшой перекресток: они уже перешли дорогу, когда вдруг заметили, что котенок сел посреди дороги и упорно не хочет двигаться дальше. Их словно охватил паралич, они понимали, что, наверное, стоит подойти и забрать котенка с дороги, но было слишком поздно. Машина начала движение и сбила котенка насмерть. Всё это время Нури и Нино беспомощно наблюдали его смерть. К счастью, эта смерть была мгновенной. Котенок с разможенной мордой бездыханно лежал и не подавал признаков жизни. Буквально минуту назад Нури и Нино гладили его и подумывали забрать домой. Всю дорогу они молча несли в себе это гнетущее чувство, словно со смертью этого котенка ушло что-то еще. Быть может, вся их нежность осталась там, на дороге, под светом желтого фонаря. Осталась среди пыльных скамеек храма на горе, куда они взбирались в один из жарких дней, осталась в маленьком магазине, где они выбирали мороженое и, наконец, сконцентрировалась в комнате, в которой они пережили маленькую жизнь вдвоем. Так хочется, чтобы всё было иначе: котенок, например, не умирал, а Нино и Нури были бы бесконечно счастливы, а в черной пышной юбке грузинская официантка все так же с ослепительной улыбкой на лице продолжала приносить горячее хачапури, но вместо этого они идут дальше и понимают, что все кончено.

8.

Даже грязные дороги, покрытые грязью и какой-то кровью, не могли разочаровать мужиков. Местные алкаши были сегодня довольнее обычного, а все потому, что в соседнем киоске алкоголь продавали совсем задешево, Люська, продавщица, ко всему прочему еще и напялила весьма откровенное платье. Именно из-за выреза мужчины так долго выбирали водку, как бы невзначай разглядывая дары природы. Среди них околачивался и Пашка, и, в отличие от остальных, все

это его не волновало. Он намеревался лишь по-быстрому купить водки и пойти восвояси, а точнее, на похороны своего друга Сереги. За углом местного общежития уже собралась куча людей, все пьяные, только родители трезвые и седые. А в гробу лежал Серега в сером костюме и клетчатой рубашке — такой же, как обычно, только с дурацкой прической. Поначалу все боялись. Пашка выпил залпом стакан и осмелел, он подошел первым и громко закричал: «Ты ох...ел что ли, вставай, вставай, я тебе сказал!» Безутешные родственницы стояли в сторонке, бывшие любимые женщины Сереги все разом обрели мир и взаимопонимание, охваченные общим горем, болью, которая была даже сильнее, чем та, которую испытываешь при родах. Мать молча гладила сына, а гробовщик неожиданно начать всех торопить, пытаюсь закрыть гроб: в этот момент Паша дал ему в глаз и заплакал.

9.

Таня сидела в кабинете и наблюдала потоки машин из окна, попутно посматривая в интернете странички с заманчивыми предложениями искусственного оплодотворения, суррогатного материнства и всякого разного иного материнства. Последние два года они с мужем тщетно пытались завести детей: испробовали уже, кажется, все секс-игрушки, все возможные девайсы и приспособления, ели клубнику в шоколаде и прочие афродизиаки в таком количестве, что могли бы уже составить энциклопедию. Каждый вечер перед сном она долго лежала в кровати и думала, как назовет всех своих пятерых будущих детей, периодически имена сменяли друг друга, а у них с мужем происходили забавные и не очень стычки. Так, к примеру, она просто ненавидела экзотику и воспринимала всех этих Милен, Марианн, Софи и прочих как будущих стриптизерш и проституток, древнерусские богатыри Ярославы, Святославы и прочие также мало впечатляли: «Он что, в монахи пойдет что ли?» В общем, нелегкое это дело — кого-то называть, а особенно человека. Муж, каждый раз пере-

смотрев изрядное количество футбольных матчей, мечтал о футболисте, ну на худой конец — каком-нибудь там боксере. А она, ясное дело, хотела дочь, чтобы умница, красавица и все такое. Потому что каждый раз, когда она видела всех этих мам с колясками и маленьких детей, она испытывала какое-то невероятное благоговение, как перед святым. Почти уверенная, что это и есть смысл всего, хотя вроде как современная женщина со взглядами и деньгами, а детей хочется.

10.

Вася вообще-то нечасто врал, только когда про личное спрашивали. Сколько лет? — 98. Где живешь? — В Австралии. Ну, короче, не любитель длинных разговоров, а потому несколько был раздражен тем фактом, что женщина напротив задает ему двести тысяч вопросов в секунду. Все-таки его дело отбивать одежду детскую, а не слушать тут чужие исповеди. Периодически он любил подшутить над коллегами и в громкоговоритель объявлял о какой-нибудь ерунде: «Внимание Джессике Симпсон! Ваша чековая книжка осталась в трусах, что Вы примеряли». Люди вначале ошарашенно оглядывались в поисках богатой иностранки, но, быстро осознав, что магазин-то детский, выдыхали. А вот от коллег пару раз прилетало Ваське пи...ды, хотя, подумаешь, приврал.

11.

По большому счету страшно всем, тут вообще место не из приятных, но платят хорошо. Как-никак онкология. Все бледные, лысые, худые и грустные. Марья Иванна поначалу работала задорно, ну, подумаешь, онкология, ее-то дело бирки выдавать. Время шло, и она начала узнавать всех в лицо, уже знала, кто куда, кто к кому, где волонтеры, на каком этаже какой бокс. Детей становилось меньше, некоторые уезжали домой на выходные, но так и не возвращались. Тогда к ней спустили пакет с вещами, целью было вернуть

его родственникам. Именно этот момент был самым страшным, как стрела в самое сердце были их глаза, глаза этих самых обобщенных родственников. В какой-то момент Марья Иванна начала выдавать вещи вполоборота, так, чтобы не запоминать, чтобы не смотреть, не считать.

12.

Большим открытием для немолодой уже Марты стал небольшой храм, в котором каждое воскресенье играл до дрожи красивую органную музыку мужчина по имени Лука. Периодически проходя мимо афиши, она останавливалась и любовалась им, его красивым профилем и очерченным подбородком. С личной жизнью как-то не сложилось,

один муж сменил другого, который, в свою очередь, стремительно ушел к молодой секретарше. Следом тишина, пустой дом и привычное уже одиночество. «Недаром его зовут как апостола», — подумала она, слушая Баха. Рядом с ней сидел белокурый мальчик, который каждые пять минут поглядывал на мать, всем своим видом показывая, как же ему скучно. Другой озорник сидел напротив и настойчиво рисовал собственное имя на спинке впереди стоящего кресла. Казалось, многие пришли сюда совершенно случайно. Мужчина лет сорока постоянно спрашивал жену, закончили ли петь. Но все это оставалось фоном, на котором величественные руки Луки возносились над клавишами. Марта инстинктивно подняла голову наверх — на куполе она увидела лик. На нее пристально смотрел Иисус Христос.